

Горе от ума.

(Театр Русской Драмы.)

Итак, трагический в течение последних двух лет вопрос, быть или не быть русскому театру в Риге, разрешился безоговорочно: подлинный русский театр есть и будет. Театр едаль несомненно трудный экзамен и получал художественный диплом с отметкой „весьма“ не всемь предметам: за художественную и талантливую игру всей труппы, за ценную работу режиссуры и художника-декоратора и за продуманную и тонко взвешенную слитность прекрасного ансамбля.

Отметить это темь приятнее, что суровый экзаменатор—публика была предубеждена и обижаясь не раз не молекь, и боясь повтрить первымь своимь впечатлениямь, втроятно думала про себя: „Нить ли и вь данномь случае искуслой попытки сбыть блестящя стекляшка за драгоценные камни. Но сь III актомь публика окончательно увтровала, распахнула душу и радостное и висть гордое чувство, искусственно сдерживаемое вь началь, бурь прорвалось наружу вь безчисленных аплодисментахь и вызовахь.

Но если была предубеждена публика, зато крвико втрили вь себя сами артисты, не убоявшися щегольнуть такимь классическимь шедевромь, какь „Горе от ума“, много раз вдвнваемь и потому рискованнымь, ибо малейшая неосторожность, про-

махь или недочеть сь мбета говорили бы противь артистовь.

Но не копируя классическихь образцовь, не повторяя чужие зады, режиссура и артисты дали новую интерпретацию гениальной живописи Шекспира русекой комедии. Короче говоря, успехь был полный, и нужие обладать большой печенкой, чтобы искать черезь лулу сучья и пятна.

Теперь вьсколько словь обь отдльныхь виновникахь этого успеха.

Можно, конечно, не соглашаться вь некоторыхь случаяхь сь трактовкой отдльныхь мбетовь роли Чацкого г. Муратовымь, но все же онь — Чацкий „сь головы до пяттокь“. Благородная манера игры; прекрасное чтение стиховь (временами, правда, вьсколько быстрое), заставляющее забывать однозвучие ямбического метра; нелегкое искусство легко носить старомодный костюмь, (при общей вь некоторой грузноватости фигуры) большой темпераменть, сдерживаемый условностью исторической пьесы — все это качества артиста хорошей театральной культуры, которымь г. Муратовь обладает вь полной мбр. Можно поставить вь минусь артисту временами недостаточную явительность и сарказмь; недостаточно подготовлень психологически взрывь возмущения вь сцене сь Скалозубомь. Но зато быль хорошо выражень холодный и высокомерный дендизмь, иронической допрось Молчалина и фатоватые каламбуры о женщинахь.

Вь г. Маликовь тоже чувствуется боль-

шой сценической работникой, отличие справившисья сь портретнымь гримомь, умениемь передать вь стихахь всю живость разговорной рчи, не при общей вышнелюбовной игре не чувствовалось, что Фамусовь — хозяинь дома, большой московский баринь, гурмань, ханжа, эластолюбець, порой подхалимь, порой мундирный гордець.

Великодушную, сечную фигуру тупого, деревяного шагета николаевскихь времень дал г. Барабановь вь роли Скалозуба. Походка, тупой жирный хохоть ограниченного создана запоминается надолго. Такая же высокохудожественная и мастерски обработанная фигура Репетилова была дава г. Гриневымь. Но насколько кажется, онь чуточку должень быть поплятй.

Столь же запоминаемой фигурой является г. Ченчерь—Загорьцкй, давний отличный типь профессинального слетника, услужащяго лязоблуда, человекь „приятного во всьхь отношениахь“ вьсьмь и каждому.

Вьсколько блдными чертами обрисовал г. Зацкой Молчалина, эту ползающую тварь, но умную, какь дьяволь, когда дьло касается личныхь выгодь. Эти качества г. Зацкой подчеркнул блдновато. Больше выразительности хотьлось бы и оть госп. Ильинскаго — Платонь Петровича.

Женский персонал не уступал вь общемь довольно сильному мужскому составу. На первомь мбете, конечно, вь-

дуеть поставить г-жу Маршеву вь роли Лизы. Школа Московскаго Художественнаго Театра сказывалась вь каждой нотке и вь каждомь движени. Вь безчисленной галлерее классическихь Лизь, Лиза вь исполнении занимает почетное мбесто. Ожившей тонкой гравюрой казалась и г-жа Николаева — Софья, сь ей стильной прической, искусственнымь накинчаньемь вь духь тогдашнихь салоновь, хитростью и притворствомь. Особенно хороша была сцена обморока, когда едва пришедшая вь себя Софья по долгу службы принимается за „занимание гостя“.

Художественно были истолкованы роли Хлестовой — г-жей Токарекой, Наталья Дмитриевна — г-жей Юратовой, графинь-бабушки — г-жей Темишевой и графинь-внучки г-жей Садовской. Вьсь цвйтнень молодецкихь княжен очаровательнень.

О постановке говорилось уже выше. Но все же хочется отметить исключительный вкусь режиссера и любовное отношение кь обстановке, мебели и аксессуарамь. Сцена сь вальсомь на заднемь плане была необыкновенно красива. Великодушны также декорации 4-го акта и самая картина разьтвда. Вь лиць г. Антонова театр иметь отличного декоратора.

Дивный прекрасный спектакль.

Никт.